

С по-прежнему приходил к Линь Хуайшэну в одиночку, чтобы покормить его.

Место, где их держали, было почти лишено естественного света: либо царил полумрак, либо всё вокруг заливал мертвенно-бледный свет ламп накаливания. Со временем даже самый стойкий человек начинает поддаваться такому воздействию. Поэтому Линь Хуайшэн был даже благодарен похитителю: по интервалам между визитами С он мог хотя бы примерно понять, который сейчас час.

Сегодня на обед был горячий яичный крем, приготовленный на восточный манер. Правда, поверхность его была покрыта углублениями, внутри он не застыл, а текстура вышла неоднородной: местами белок и желток так и не смешались. Выглядело это неаппетитно, да и на вкус было весьма посредственно. Но С ложка за ложкой, невозмутимо кормил Линь Хуайшэна, словно не замечая, что его стряпня далека от идеала.

Разумеется, готовил он сам. Линь Хуайшэн это прекрасно понимал.

На самом деле, если бы этот мужчина не был столь властным и опасным, его чувства было бы куда легче разгадать. Но сейчас его характер стал его же уязвимостью: его забота, подобно его чувствам, была неистовой и неуклюжей, ее невозможно было выставить напоказ. Мужчина молчал, а Линь Хуайшэн, игравший роль трепещущего ягненка, конечно, не мог об этом знать.

В комнате стояла тишина.

С считал удары ложки о миску, считал стук собственного сердца, которое билось слишком медленно. Внезапно его охватило раздражение — из-за маленького ягненка, которого он приручал. Почему тот молчит? Неужели он расстроен тем, что произошло ранее? С отчетливо помнил, как раньше юноша, даже будучи больным, постоянно что-то лепетал, рассказывал ему так много всего.

Конечно, Линь Хуайшэн принадлежал к той же группе, что и двое других, и именно С сделал их единым целым, но всё равно это злило. Рука С, державшая ложку, замедлилась. Он пристально смотрел в лицо Линь Хуайшэну, делая вид, что не замечает его глаз... Огромная, переполняющая его буря эмоций захлестнула С. Он никогда не чувствовал себя настолько чужим самому себе, а в голове у него смешались величайшая любовь к этому ягненку и жгучая ненависть.

Если мир допускает существование стокгольмского синдрома, то почему бы не пожалеть и самого преступника?

Если люди не хотят соперничать злодею, пусть жертва вечно, бесконечно любит только его. Одного его.

Линь Хуайшэн взял С за руку.

Схватить за запястье — всё равно что схватить за жизненную нить. Это прикосновение перекрыло выход необузданному гневу С, погасило пламя его ярости.

Ягненок начал с этого запястья, медленно потянулся дальше, коснулся пальцами ложки и обхватил миску. С не отстранился, Линь Хуайшэн не просил его уйти, и их руки соприкоснулись. Стенки миски уже остыли — самое жаркое время прошло. Раньше С держал её в ладонях, принимая на себя весь жар, расчищая путь от опасностей, и теперь, когда он мог передать её другому, ему стало жаль расставаться с этим ощущением. Мягкая рука Линь Хуайшэна прильнула к его руке, и С ощутил невыразимую сладость.

Ягненок тихо проговорил:

— Господин, вы ведь сами еще не ели. Не стоит заботиться только обо мне.

В его голосе слышалась легкая робость, но в словах сквозила искренняя забота. С начал корить себя — за всё, за тот гнев, что только что пылал в его сердце.

Этот ребенок стал заложником стокгольмского синдрома и решил пойти навстречу ему, но сам этот выбор был для него тяжким бременем, он был так уязвим. Поэтому, пока юноша готов стоять рядом с ним, он должен его защищать.

С дал себе слово: он должен полностью подавить в себе всё, что может причинить Линь Хуайшэну боль. Это была самая сладкая миссия, которую доверил ему его ягненок. С словно загипнотизировал себя.

Мужчина невольно улыбнулся:

— Если я не буду заботиться о тебе, то что же ты будешь делать?

Это было искреннее признание. Без прикрас, но когда мужчина говорит от чистого сердца, он словно интуитивно учится произносить слова любви.

С увидел, как Линь Хуайшэн опешил от его слов, даже растерялся, а его щеки вспыхнули. Сердце в груди С забилося, как барабан, подталкивая продолжать. Ему хотелось видеть Линь Хуайшэна таким.

Линь Хуайшэн смутился, казалось, он был не в силах выдержать большего, и поспешно заговорил, словно надеясь, что если начнет говорить сам, мужчина замолчит.

— Я не такой уж хрупкий... — голос его становился всё тише, уверенности в нем почти не было, и он попытался подобрать слова, которые убедили бы и мужчину, и его самого. — Если другие... если они будут меня обижать, я тоже дам отпор...

Хотя ягненок на ходу изменил свою мысль, С понял, что он говорит о недружелюбии двух

других заложников. С стало смешно от таких слов Линь Хуайшэна. Разве это угроза? Никто не испугается такого ягненка. Но С тут же одернул себя. Ягненку не нужно никакое оружие, ему не нужно меняться. У него есть С, и это то, что он может сделать для него.

— Я помогу тебе.

Для С это было проще простого.

Мужчина говорил спокойно и небрежно, но Линь Хуайшэн лишь еще больше заволновался. Добрый юноша, конечно, не хотел, чтобы Арнольд или Исер пострадали, и поспешно сменил тему:

— Давайте не будем об этом.

Сказав это, Линь Хуайшэн зачерпнул полную ложку крема, которая так сильно дрожала, что вот-вот могла упасть. Он хотел угостить мужчину, и С крепко поддержал его руку, словно коронуя этот жест успеха.

— Господин, вы тоже поешьте.

Хотя он и хотел сменить тему, Линь Хуайшэн действительно заботился о похитителе. Боясь, что С откажется, он поспешно добавил то, что казалось ему более убедительным:

— Вы съешьте ложечку, и я съем, давайте вместе... Господин, можно так?

Это было приглашение, но С услышал в нем соблазн и намек. Он был грешен, и одни лишь слова о том, что они сделают что-то вместе, вскружили ему голову. Мужчина, не раздумывая, открыл рот — в этот момент он проглотил бы даже яд, если бы его предложил Линь Хуайшэн.

И С действительно попробовал этот не самый изысканный яд, приготовленный собственными руками.

Мужчина долго молчал, не зная, что сказать.

Когда Линь Хуайшэн снова зачерпнул ложку, С вспомнил слова ягненка и быстро перехватил его руку.

— Отдай всё мне.

Каким же высокомерным он был раньше — он заслуживал того, чтобы над ним посмеялись. Но С не мог вынести того, что ягненок так долго молча терпел последствия его халатности. С

свирепо уставился на миску с яичным кремом, шрам на его лице дернулся, словно эта еда могла убить.

Но Линь Хуайшэн не отдал.

Ягненок даже позволил себе немного озорства, с легкой, сладкой досадой произнеся:

— Вы не хотите есть со мной?

Все знали, что на самом деле это не так. Но ягненок настаивал на своем.

Внезапно самые обычные вещи приобрели иной смысл: в этом сквозило что-то героическое, эпическое, готовность принять смерть, а если добавить капельку романтики — то и готовность умереть вместе.

С даже подумал, не повредился ли у ягненка язык.

Но куда вероятнее было то, что Линь Хуайшэн принимал всё как должное, проявляя свою неброскую заботу. Он избавил С от неловкости, которую тот осознал лишь сейчас. Он был самым чудесным ягненком на свете.

С коснулся мочки уха.

Он не знал, почему сделал это, возможно, мозг подал сигнал, чтобы он понял, как сильно пылает сейчас его лицо. Холод мочки уха был каплей в море, он не мог спасти его от пожара, охватившего старый дом.

— ...В следующий раз, — с трудом отказался мужчина от своего ягненка. — В следующий раз поедем вместе с тобой.

Сидевший напротив Линь Хуайшэн улыбнулся и больше ничего не сказал, наблюдая, как мужчина забирает у него миску и сам доедает невкусную еду.

Словно пытаясь загладить вину, сегодня С накормил Линь Хуайшэна особенно сытно: консервы, хлеб — всё, что было невозможно испортить, и всё было очень вкусным.

Юноша наелся так, что икнул. Его лицо мгновенно покраснело, одной рукой он прикрыл рот, а другой — раздувшийся живот. Ему стало стыдно, он начал капризничать, мотать головой и отталкивать руку С.

— Больше не могу...

В его глазах от стыда и досады даже выступили слезы.

С смотрел на него с обожанием. Ему нравилось, как Линь Хуайшэн икает, нравился его слегка округлившийся, сытый животик. Его ягненок был так хорошо накормлен, и мужчина испытал высшую степень гордости.

Мужчина с сожалением убрал еду — на сегодня кормление было окончено. Сейчас он получал от этого процесса даже больше удовольствия, чем Линь Хуайшэн.

Линь Хуайшэн пришел в себя и, услышав, как жестяная банка коснулась стола, с легким сожалением вздохнул.

— Не доел.

Он что-то тихо пробормотал.

— Немного расточительно...

Это была сущая мелочь.

С хотел было сказать, что доест остатки, как увидел, что ягненок протянул руку и, нащупав на столе несколько полупустых банок, притянул их к себе.

Линь Хуайшэн смущенно улыбнулся:

— Я спрячу их и заберу с собой, хорошо? То, что вы мне дали, я хочу доест сам.

<http://bllate.org/book/20559/2054835>